

Александр Сергеевич Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах.
//Художественная литература, Москва, 1959
FB2: "Vitmaier ", 30 June 2008, version 1.0
UUID: 9ABD1C3E-E355-44F9-97DB-B2E9CA7758EA
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Сергеевич Пушкин

Вадим (Поэмы)

Содержание

***0004
Комментарий0012

**Александр Сергеевич
Пушкин
Вадим**

Свод неба мраком обложился;
 В волнах варяжских лунный луч,
 Сверкая меж вечерних туч,
 Столпом неровным отразился.
 Качаясь, лебедь на волне
 Заснул, и все кругом почило;
 Но вот по темной глубине
 Стремится белое ветрило,
 И блещет пена при луне;
 Летит испуганная птица,
 Услыша близкий шум весла.
 Чей это парус? Чья десница
 Его во мраке напрягла?

Их двое. На весло нагбенный,
 Один, смиренный житель волн,
 Гребет и к югу правит челн;
 Другой, как волхвом пораженный,
 Стоит недвижим; на берега
 Глаза вперив, не молвит слова,
 И через челн его нога
 Перешагнуть уже готова.
 Плывут...

«Причаливай, старик!
 К утесу правь», — и в волны вмиг
 Прыгнул пловец нетерпеливый

И берегов уже достиг.
Меж тем, рукой неторопливой
Другой ветрило опустив,
Свой челн к утесу пригоняет,
К подошвам двух союзных ив
Узлом надежным укрепляет
И входит медленной стопой
На берег дикий и крутой.
Кремень звучит, и пламя вскоре
Далеко осветило море.
Суровый край! Громады скал
На берегу стоят угрюмом;
Об них мятежный бьется вал
И пена плещет; сосны с шумом
Качают старые главы
Над зыбкой пеленой пучины;
Кругом ни цвета, ни травы,
Песок да мох; скалы, стремнины,
Везде хранят клеймо громов
И след потоков истощенных,
И тлеют кости — пир волков
В расселинах окровавленных.
К огню заботливый старик
Простер немеющие руки.
Приметы долголетней муки,
Согбенны кости, тощий лик,
На коем время углубляло
Свои последние следы,

Одежда, обувь — все являло
В нем дикость, нужду и труды.
Но кто же тот? Блится младость
В его лице; как вешний цвет
Прекрасен он; но, мнится, радость
Его не знала с детских лет;
В глазах потупленных кручина;
На нем одежда славянина
И на бедре славянский меч.
Славян вот очи голубые,
Вот их и волосы златые,
Волнами падающие до плеч...
Косматым рубищем одетый,
Огнем живительным согретый,
Старик забылся крепким сном.
Но юноша, на перси руки
Задумчиво сложив крестом,
Сидит с нахмуренным челом.

Уста невнятные шепчут звуки.
Предмет великий, роковой
Немые чувства в нем объемлет,
Он в мыслях видит край иной,
Он тайному призыву внемлет...

Проходит ночь, огонь погас,

*Остыл и пепел; вод пучина
Белеет; близок утра час;
Нисходит сон на славянина.*

*Видал он дальные страны,
По суше, по морю носился,
Во дни былые, дни войны
На западе, на юге бился,
Деля добычу и труды
С суровым племенем Одена[1],
И перед ним врагов ряды
Бежали, как морская пена
В час бури к черным берегам.
Внимал он радостным хвалам
И арфам скальдов исступленных,
В жилище сильных пировал
И очи дев иноплеменных
Красою чуждой привлекал.
Но сладкий сон не переносит
Теперь героя в край чужой,
В поля, где мчится бурный бой,
Где меч главы героев косит;
Не видит он знакомых скал
Кириаландии[2] печальной,
Ни Альбиона, где искал
Кровавых сеч и славы дальней;
Ему не снится шум валов;
Он позабыл морские битвы,*

*И пламя яркое костров,
И трубный звук, и лай ловитвы;*

*Другие грезы и мечты
Волнуют сердце славянина:
Пред ним славянская дружина,
Он узнает ее щиты,
Он снова простирает руки
Товарищам минувших лет,
Забывшим в долги дни разлуки,
Которых уж и в мире нет.
Он видит Новгород великий,
Знакомый терем с давних пор;
Но тын оброс крапивой дикой,
Обвиты окна повиликой,
В траве заглох широкий двор.
Он быстро храмин опустелых
Проходит молчаливый ряд,
Все мертво... нет гостей веселых,
Застольны чаши не гремят.
И вот высокая светлица...
В нем сердце бьется: «Здесь иль
нет
Любовь очей, душа девица,
Цветет ли здесь мой милый цвет,
Найду ль ее?» — и с этим словом
Он входит; что же? страшный
вид!*

В постеле холодной, под покровом
Девуца мертвая лежит.
В нем замер дух и взволновался.
Покров приподымает он,
Глядит: она! — и слабый стон
Сквозь тяжкий сон его раздался...
Она... она... ее черты;
На персях рану обнажает.
«Она погибла, — восклицает, —
Кто мог?..» — и слышит голос:
«Ты...»

Меж тем привычные заботы
Средь усладительной дремоты
Тревожат душу старика:
Во сне он парус развивает,
Плывет по воле ветерка.
Его тихонько увлекает
К заливу светлая река,
И рыба вольная впадает
В тяжелый невод старика;
Все тихо: море почивает,
Но туча виснет; дальний гром
Над звучной бездною грохочет,
И вот пучина под челном
Кипит, подьёмлетя, клокочет;
Напрасно к верным берегам
Несчастный возвратиться хочет,

Челнок трещит и — пополам!
Рыбак идет на дно морское.
И, пробудясь, трепещет он,
Глядит окрест: берега в покое,
На полусветлый небосклон
Восходит утро золотое;
С дерев, с утесистых вершин,
Навстречу радостной денницы,
Щебеча, полетели птицы,
И рассвело — но славянин
Еще на мшистом камне дрем-
лет,
Пылает гневом гордый лик,
И сонный движется язык.
Со стоном камень он объемлет...
Тихонько юношу старик
Ногой толкает осторожной —
И улетает призрак ложный
С его главы, он восстает
И, видя солнечный восход,
Прощаясь, старику седому
Со златом руку подает.
«Чу, — молвил, — к берегу родно-
му
Попутный ветер тебя зовет,
Спеши — теперь тиха пучина,
Ступай, а я — мне путь иной».
Старик с веселою душой

Благословляет славянина:
«Да сохранят тебя Перун,
Родитель бури, царь полнощный,
И Световид, и Ладо мощный;
Будь здоров до гроба, долго юн,
Да встретит юная супруга
Тебя в веселье и слезах,
Да выпьешь мед из чаши друга,
А недруга низринешь в прах».
Потом со скал он к челну сходит
И влажный узел развязал.
Надулся парус, побежал.
Но старец долго глаз не сводит
С крутых прибрежистых вершин,
Венчаных темными лесами,
Куда уж быстрыми шагами
Сокрылся юный славянин.

1821^{—1822}

Комментарий

Одна из попыток создать образ романтического героя на материале из русской истории. По недостоверному летописному сказанию, Вадим поднял в 863 г. восстание в Новгороде против варяжского князя Рюрика; восстание было подавлено, и Вадим убит. Это предание послужило темой ряда произведений XVIII и начала XIX в., и образ вождя новгородцев Вадима, трактованный, с различных точек зрения, вошел в тогдашнюю литературу. Пушкин начал в 1821 г. писать о нем трагедию и бросил, написав немногим больше двадцати стихов — ночной разговор на могиле новгородского посадника Гостомысла тайно вернувшегося из изгнания Вадима со своим единомышленником Рогдаем[3]. Судя по сохранившемуся началу плана поэмы[4], эта сцена должна была стать содержанием второй песни «Вадима». В третьей песне должен был быть свадебный пир у Рюрика и неожиданное появление на нем Вадима. Дальнейшее содержание поэмы неизвестно.

Пушкин напечатал большую часть напи-

санной им первой песни поэмы без указания в заглавии (и в тексте), что герой ее — Вадим.

С. М. Бонди

Примечания

1

Оден (Один) — верховный бог в скандинавской мифологии.

[^^^]

Карелия.

[^^^]

Ты видел Новгород; ты слышал
 глас народа;
 Скажи, Рогдай, жива ль славян-
 ская свобода,
 Иль князя чуждого покорные ра-
 бы
 Решились оправдать гонения судь-
 бы?

Вадим, надежда есть, народ
 нетерпеливый,
 Старинной вольности питомец
 горделивый,
 Досадуя, влачит позорный свой
 ярем;
 Как иноземный гость, неведомый
 никем,
 Являлся я в домах, на стогнах и
 на вече.
 Вражду к правительству я зрел
 на каждой встрече...
 Уныние везде, торговли глас утих,
 Встревожены умы, таится пла-
 мя в них.
 Младые граждане кипят и негоду-
 ют —

Вадим, они тебя с надеждой именуют...

*Безумные! Давно ль они в глазах
моих
Встречали торжеством властителей чужих
И вольные главы под иго преклоняли?
Изгнанью моему давно ль рукоплескали?..
Теперь зовут меня, — а завтра,
может, вновь...
Неверна их вражда, неверна их любовь,
Но я не изменю —*

[^^^]

4

Дошедшая до нас песнь поэмы отходит от плана: Пушкин отказался от эпизода с покушением рыбака на убийство Вадима.

[^^^]